
СЕРИЯ «МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА»
КНИГА ДЕСЯТАЯ
СЦЕНА.
ТВОЙ ВЫХОД
Как выступать уверенно,
даже когда страшно
ЮЛИЯ СТЭФАНИ ХЕРРЕРА

Юлия Херрера

Сцена. Твой выход. Как выступать уверенно, даже когда страшно

https://litres.ru/74720203
SelfPub; 2026

Аннотация

Женя умеет играть на саксофоне. Но стоит представить полный зрительный зал, как привычная музыка превращается в испытание. В классе всё получается. На сцене страшно даже сделать первый шаг.

Вместо выступлений Женя выбирает работу за кулисами: сверяет списки, помогает другим музыкантам и наблюдает за теми, кто кажется совершенно бесстрашным. Постепенно она замечает: спокойный вид ещё не означает отсутствия волнения.

Впереди — репетиции, разговоры с преподавателями и родителями, дрожащие руки, сомнения и необходимость самой решить, готова ли она выйти к публике.

Как научиться играть, когда страх никуда не исчезает, а тебя уже ждут на сцене?

«Сцена. Свой выход» — десятая книга серии «Музыкальная школа». Художественная история о страхе выступлений,

уверенности и поддержке, дополненная практическими объяснениями и упражнениями для подготовки к концерту.

Содержание

Часть первая. За дверью 8
Глава 1. Кулисы 8
Попробовать на занятии 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Юлия Стэфани Херрера Сцена. Твой выход. Как выступать уверенно, даже когда страшно

Херрера Юлия Стэфани
Серия «Музыкальная школа». Книга десятая
Сцена. Твой выход.
Как выступать уверенно, даже когда страшно
* * *

Прежде чем объявят твою фамилию, обычно слышно чужую. Кто-то выходит, играет и возвращается. Ты видишь только несколько секунд: поправленный воротник, руку на дверной ручке, пустой стакан, оставленный на подоконнике. Всего остального — бессонной ночи, раздражения на собственные пальцы, желания вдруг оказаться дома — не видно. Из этих коротких встреч легко собрать ошибочное представление, будто все уже умеют то, чему ты никак не научишься.

Женя приходит в музыкальную школу с саксофоном и уверенностью, что хороший звук у неё существует только в классе. За дверью большого зала начинается другая жизнь, где чужой кашель может показаться приговором, а

три ступеньки — расстоянием, которое не преодолеть. Она ещё не знает, что за этой дверью люди заняты не только оценкой её способностей. Кто-то ищет место для футляра, кто-то ждёт дочь, кто-то пытается успеть после работы. Музыка встречается с их обычным вечером, и это бывает сложнее и интереснее, чем придуманный заранее экзамен.

Мне хотелось оставить в этой истории достаточно времени для перемен. Не ускорять их до одного решительного шага. Дать Жене побыть помощницей, рассердиться на совет, позавидовать чужому спокойствию, научиться спрашивать и услышать ответ, который не сразу понравится. Дать взрослым возможность ошибаться и менять свои слова. Для близости иногда требуется именно это: признать, что прежняя фраза не помогла, и остаться рядом без новой заготовки.

Здесь будет музыка и работа, которую редко видят из зрительного ряда: сверенные страницы, свободный проход, договорённость о начале. Будут и дни, когда никакая памятка не приносит облегчения. Если волнение становится слишком тяжёлым или тело подаёт тревожные сигналы, человеку нужна подходящая помощь; от него не требуется заслуживать её успешным концертом.

Возможно, собственная сцена у вас выглядит совсем иначе. Это может быть разговор, который давно откладывается, рабочая встреча, первое занятие после большого пе-

рерыва. Я не стану обещать, что история Жени даст готовый ответ на всё. Но мне хочется провести с вами время возле той двери, перед которой особенно одиноко, и показать людей, у которых понемногу получается разговаривать друг с другом. Иногда путь начинается с разрешения сказать: я хочу попробовать, только давайте сначала поймём как.

Часть первая. За дверью

Глава 1. Кулисы

Первое сентября в музыкальной школе не начинается с линейки. Линейка есть у соседей, в обычной школе, с шарами и речами; здесь в коридоре просто становится тесно, и на доске объявлений появляется расписание, написанное от руки, и половина фамилий в нём перечёркнута, потому что половина прошлогодних выпускников уже не придёт.

Женя приходит за двадцать минут до своего класса, потому что дома сидеть невозможно: мать в утреннюю смену, отец на заявках, квартира пустая и звенит так, что слышно холодильник через стену.

Коридор пахнет краской и мокрыми куртками. У окна стоят трое первоклассников с флейтами в целлофане, и один из них держит футляр на вытянутых руках, как держат что-то, что может укусить.

— Кравец! — говорит Ирина Валерьевна от доски, не оборачиваясь. — Ты в первом отделении выступаешь?

— Я не выступаю.

— Совсем?

— Совсем.

— Если захочешь, можешь помочь за кулисами, — гово-

рит она. — Будешь сверять порядок и звать следующих. Занавесом и светом занимается Сергей. В четверг покажем, где безопасно стоять.

Сначала ей кажется, что это шутка, и она ждёт, что завуч сейчас скажет что-нибудь про то, что она пошутила, но завуч уже пишет её фамилию в третьей строчке сверху и подчёркивает одной чертой.

— В четверг концерт в шесть, сбор помощников в половине шестого. Приходи в чёрном. Сначала всё покажем, потом решишь, берёшься ли.

Дверь действительно одна. Женя знает это с прошлого года: из коридора в зал ведут двойные двери, обитые дерматином, с медными полосами внизу, и в зал она заходила раз двадцать — на концерты, на прослушивания, на репетиции оркестра, где сидела в одном из задних рядов и ждала, пока объявят чужие фамилии.

Про другую дверь, которая в самом конце левого прохода, она не думала ни разу. Дверь как дверь: серая, железная, с надписью «Посторонним вход воспрещён», и за неё всё время кто-то ходил с папками.

В четверг в семнадцать двадцать пять она стоит у этой двери, и Ирина Валерьевна говорит:

— Тяни на себя.

Дверь тяжёлая. За ней коридор шириной в полтора метра, без окон, с кирпичной стеной и пожарным щитом, и в конце этого коридора — ещё одна дверь, а за ней темнота, в кото-

рой кто-то ходит.

Первое, что она понимает, когда глаза привыкают: сцена с этой стороны не имеет никакого отношения к сцене.

Доски серые, в мелких шляпках гвоздей, и между ними щели, и в щелях видно пыль, которая там лежала, когда Женя ещё не родилась. Слева стойка с верёвками, на каждой верёвке бирка, и бирки подписаны шариковой ручкой: «занавес», «падуга», «кулиса левая». Справа стремянка, огнетушитель и стул с отломанной планкой, и на стуле лежит чья-то куртка, забытая в прошлом году.

Над головой — ферма, и на ферме четыре софита, и они выключены, и от этого наверху ещё темнее, чем внизу.

— Ты кто? — спрашивает голос из темноты.

— Я за кулисами.

Из темноты выходит парень лет двадцати пяти, в чёрной футболке, с фонариком в руке. — Я Сергей. Вон там управление занавесом, его не трогаем. Я открываю, ты проверяешь по списку, кто готов, и говоришь мне. Давай сначала пройдём свободной дорогой, чтобы потом не искать её в темноте.

— А если перепутаю?

— Остановишься и спросишь, — говорит он. — Лучше лишняя проверка, чем неожиданность. Здесь не надо угадывать.

Он показывает ей место у стены, затем возвращается к управлению. В темноте слышно, как за занавесом двести человек двигают стульями. Теперь Женя знает, к кому обра-

титься, если потеряется в этом шуме.

Зал с этой стороны звучит иначе. Оттуда, из заднего ряда, зал звучал как зал: шум, кашель, чей-то смех, шаги. Здесь он звучит как одно большое животное, которое дышит и не может устроиться. Кто-то роняет программу. Кто-то говорит «пусти». Кто-то в первом ряду открывает и закрывает сумку, и замок щёлкает четыре раза подряд, и это слышно так, будто сумка стоит рядом с ухом.

Занавес тяжёлый и тёплый, как пальто. Женя трогает его ладонью и чувствует, что он ворсистый и что в нём застряла пыль.

— Готовы? — спрашивает Ирина Валерьевна. Женя смотрит в список и кивает Сергею.

Сергей открывает занавес, и первое, что Женя видит, — не зал, а спины.

На сцене стоит хор младших классов, двадцать восемь человек, и все они стоят лицом в зал, и Женя видит их затылки, воротники, банты, у одного мальчика расстёгнута молния на кофте. Она знает этих детей в лицо. Она видела их в коридоре, в столовой, на лестнице. И вот они стоят лицом туда, куда она никогда не смотрела, и она вдруг понимает простую вещь, которая раньше не приходила в голову: у всех, кого она слушала из заднего ряда, есть лицо, и это лицо обращено не к ней.

Хор поёт. Поёт он плохо, потому что первое сентября, потому что лето, потому что половина детей не раскрывала рта

с мая. Но зал хлопает, и хлопки идут волной, и Женя чувствует эту волну спиной, через занавес, рядом с которым она стоит.

— Хорошо, — говорит Ирина Валерьевна. — Следующие готовы?

Женя проверяет коридор и подаёт условленный знак. Сергей закрывает занавес, спины исчезают, и на сцене остаётся свет, в котором висит пыль.

Дальше идут номера, и у каждого номера есть фамилия, и Женя должна выкликать эти фамилии в коридор, где ждут следующие. Она делает это четыре раза, и на четвёртый понимает, что выкликать — тоже работа: надо не кричать, а говорить так, чтобы человек услышал своё имя и не вздрогнул.

На третьем номере случается то, чего она не ждала: она выкликает «Орлов, баян, второй класс», и никто не выходит.

Она выкликает ещё раз, громче, и в коридоре кто-то говорит «сейчас», и она стоит и ждёт, и ждёт, и за занавесом уже начинают шевелиться стулья.

— Где Орлов? — спрашивает Ирина Валерьевна.

— Сказал «сейчас».

— Ищи.

Она находит его на площадке между первым и вторым этажом: мальчик лет девяти сидит на стуле рядом с преподавательницей, баян у него на коленях. Преподавательница говорит тихо; Женя останавливается у перил, чтобы не нависать над ним.

— Тебя объявляют.

— Я знаю.

— Ты идёшь?

— Я сейчас, — говорит он, и по голосу слышно, что не сейчас и, может быть, вообще никогда.

Женя возвращается и говорит завучу:

— Он не идёт.

— Понятно, — говорит Ирина Валерьевна и делает пометку. — Я поговорю с его преподавательницей. Если он согласится, перенесём номер в конец. А ты пока позови следующих: искать и уговаривать всех одной тебе не нужно.

Они договариваются о переносе. Орлов выходит последним, играет хорошо, и в зале хлопают. Женя не знает, что именно помогло ему встать со стула, и не спрашивает об этом на ходу.

Пятый номер — Вика Гурьева. Вика учится в десятом обычной школы, поёт четвёртый год и участвует почти во всех больших школьных концертах.

Она стоит у двери в кулису, в длинном платье, и держит руки перед собой, и руки у неё не дрожат. Женя смотрит на эти руки и думает: вот человек, который не боится.

— Гурьева, — говорит она. — Ты следующая.

— Знаю, — говорит Вика и улыбается. — Ты новенькая?

— Я за кулисами.

— Я видела. — Вика поправляет платье. — Скажи Сергею, что я готова. Только пусть даст мне секунду дойти до

места.

Объявляют её фамилию. Вика делает шаг, и в этот момент Женя видит её лицо сбоку — и оно не такое, как в коридоре. Оно пустое. Не спокойное, а именно пустое, как будто человек на секунду вышел из себя и оставил вместо себя аккуратную куклу.

Потом Вика выходит, и занавес закрывается за ней не до конца, и Женя остаётся сбоку и слышит, как в зале становится тихо, и как начинается вступление, и как Вика берёт первую ноту.

Голос у неё идёт легко, без нажима, и в зале кто-то говорит «ох», тихо, не себе, а соседу.

В кулисе она стоит рядом с ворсистой тканью и слушает чужой голос с расстояния двух метров, и в этот момент ей приходит в голову мысль, от которой становится холодно: она никогда не слышала, как звучит зал, когда слушает. Она слышала зал, когда он кашляет, и когда он хлопает, и когда он ждёт. А вот этого — когда двести человек перестают дышать и дышат вместе — она не слышала ни разу.

Вика заканчивает. Зал хлопает, и хлопки идут долго, дольше, чем у хора, и Вика кланяется, и кланяется ещё раз, и уходит в кулису, и Сергей закрывает занавес.

— Дай воды, — говорит Вика.

Воды у Вики нет. Женя спрашивает Сергея, где кулер, и приносит чистый одноразовый стакан. Бутылка с чужим именем остаётся в углу.

Вика пьёт, и руки у неё холодные, и Женя это чувствует, когда передаёт стакан: пальцы как у человека, который долго держал снег.

— Ты чего? — спрашивает Женя.

— Ничего. — Вика отдаёт стакан. — Всегда так. Минут через пять пройдёт.

— А с виду...

— С виду я вообще не боюсь, — говорит Вика. — Это профессиональное.

Вика уходит переодеваться, а Женя остаётся со стаканом. Она смотрела на спокойные руки и решила, будто знает о чужом волнении всё. Теперь приходится признать, что почти ничего не знала.

Концерт кончается в восемь. Зал выходит медленно, как вода из ванны, и в кулисах становится слышно, как в пустом зале гудит вентилятор.

— Всё, — говорит Ирина Валерьевна. — Список оставь мне, проверь, не забыли ли дети вещи. Сергей закончит со светом и занавесом.

Женя собирает пустые стаканчики и приносит планшет. Сергей оставляет рабочий свет, чтобы можно было спокойно пройти со сцены в коридор.

По освещённым доскам она идёт к кулисе и считает шаги, потому что считает их всегда: от кулисы до середины сцены девять, от середины до правой кулисы одиннадцать, от двери класса до лестницы двадцать два.

Девять шагов. Она проходит их и останавливается на середине, там, где стоял хор и где стояла Вика, и смотрит в зал.

Зал пустой. Восемь рядов, двести стульев, и на всех стульях сидят спинки. В темноте видно только красные огоньки на пульте в глубине, за восьмым рядом, у батареи, и там кто-то сидит.

— Ты чего стоишь? — спрашивает Сергей от пульта.

— Считаю.

— Что считаешь?

— Ничего. Шаги.

Он подходит, и оказывается, что он не такой высокий, как казался в темноте, и что у него в руке термос.

— Первый год? — спрашивает он.

— Второй.

— Я про кулисы.

— Первый.

— Из зала не видно, как ты считаешь, — говорит он. — Я вижу, что ты дошла и остановилась. Остальное надо спрашивать у тебя самой.

— И что делать?

— Для начала — стоять так, чтобы было удобно. И смотреть, куда идёшь. Число помогает помнить дорогу, но пол всё равно может оказаться другим.

Дома она в девять. Мать должна была вернуться в семь, но задержалась в регистратуре до восьми и пришла незадолго до неё.

— Ты чего такая? — спрашивает она с порога, ставя сумку на табурет.

— Я за кулисами стояла.

— Это хорошо?

— Это ничего. — Женя наливает чай. — Это работа.

— Ну и хорошо, что работа, — говорит мать. — А то я думала, ты опять расстроилась.

Она не спрашивает, что за работа, и не спрашивает, понравилось ли. Она садится и начинает чистить картошку, и в этом есть что-то, от чего Жене становится легче: в доме никто не делает вид, что сцена — это важно.

Потом она всё-таки спрашивает:

— А там душно?

— Где?

— За кулисами.

— Нет. — Женя думает. — Пыльно.

— Пыльно — это плохо, — говорит мать. — Скажи завучу, пусть протрут.

В субботу у неё урок. Аркадий Петрович приходит в класс с мокрыми волосами, потому что играл вчера до половины первого и утром мыл голову, и ставит на пианино термос и ноты.

— Ну, — говорит он. — Рассказывай.

— Что рассказывать?

— Ты была за кулисами. — Он садится на стул и вытягивает ноги. — Это самое полезное место в школе. Оттуда вид-

но, кто выходит и кто возвращается, и это две разные вещи.

— Я не поняла.

— Я замечаю, как возвращаются, — говорит он. — Кто-то сразу хочет говорить, кто-то молчит, кто-то ищет воду. Раньше думал, по этому всё видно. Потом научился сначала спрашивать, а не предсказывать людям жизнь.

Про Вику и про ледяные пальцы она вспоминает вечером.

— А если человек вообще не хочет выходить?

— Тогда можно помогать за кулисами. Только не как наказание за то, что не сыграла. Если захочешь выступить, будем искать подходящий шаг. Если нет — поговорим, что ты сама хочешь от музыки.

Он открывает футляр, и они играют гамму, и Женя играет её хорошо, потому что гамму она играет всегда хорошо, и это единственное, что она умеет делать без страха.

— Слушай, — говорит он, когда она заканчивает. — Ты знаешь, сколько шагов от кулисы до середины?

— Девять.

— Откуда?

— Считала.

— Молодец. — Он кивает. — Большинство не знает. А зачем ты их считала?

Женя не отвечает, потому что не знает.

— Ладно, — говорит он. — Считай дальше. Это бесплатно.

На следующей неделе Ирина Валерьевна просит вернуть

планшет в подсобку. Женя ждала другого поручения: позвать кого-нибудь, остаться на репетиции, снова пройти за железную дверь. Планшет — маленькая вещь, и неясно, можно ли из-за него задерживаться после урока. Она всё-таки идёт через весь коридор медленно, останавливаясь у расписаний.

Подсобка открыта. Сергей сидит на низком ящике и разбирает программы. Не старинные афиши в красивых рамках, а обычные листы с пометками: перенести, заменить, уточнить фамилию. Одну стопку он собирает для завуча, другую кладёт в коробку с надписью «Черновики».

— Это можно выбросить? — спрашивает Женя, показывая свой лист.

— Давай сначала посмотрим, что там осталось полезного.

Он освобождает край стола. На листе возле Орлова стоит круг, а рядом написано: «Лестница». В день концерта Женя записала это быстро и теперь стыдится записи. Будто мальчик и его преподавательница не разговаривали, не решали что-то важное, а просто оказались в неправильном месте, которое надо обозначить.

— Я не знала, что писать.

— Себе ты понятно написала. Для общего списка лучше другое: «Перенос согласовать с педагогом». Тут ведь фамилии видят многие.

Женя перечёркивает слово. Оно всё ещё различимо под карандашной чертой.

— Мне казалось, если я не найду его сразу, всё будет из-за меня.

Сергей не отвечает немедленно. Он переносит стопку с края стола, чтобы бумага не упала.

— Я тоже не люблю, когда неизвестно, где человек. Но мы тогда могли объявить следующий номер. А с мальчиком была преподавательница. Тебе не нужно было одной заставить его выйти.

— Я и не заставляла.

— Я слышал. Я о том, что ты сейчас рассказываешь.

Женя садится на свободный стул. Из соседнего класса доносится гамма: кто-то каждый раз спотыкается на одной ноте, возвращается назад и начинает заново. Она знает этот звук. В прошлом году сама играла так же и сердилась, если за дверью кто-нибудь задерживался.

— А если следующий тоже не готов?

— Тогда ведущая скажет, что будет пауза. Можно дать людям немного времени. Концерт не исчезнет.

Женя проводит карандашом по краю листа. Ей хочется спросить, исчезнет ли что-нибудь, если не готова она, но вопрос слишком явно выходит за пределы подсобки. Вместо этого она указывает на другую пометку.

— Здесь я Вику вызвала, а перед ней ещё был дуэт. Она уже подошла к двери.

— Помню. Я попросил подождать.

— И ничего?

— Дуэт сыграл, потом Вика. Что должно было случиться?

— Она могла рассердиться.

— Могла. И тогда мы бы объяснили, что перепутали. Не обязательно заранее придумывать за неё весь разговор.

В коробке оказывается программка, на которой первая фамилия зачёркнута красным. Женя берёт её, чтобы подложить под свой лист.

— А здесь почему?

— Исполнитель заболел. Мать позвонила до концерта. Программу отпечатали раньше.

— Вы оставили пустое место?

— Переставили следующий номер. Это было давно, я уже подробностей не помню.

Для Жени это неожиданнее самой замены. Она помнит каждый выход четверга, очередность, чужие руки, секунду, когда Вика закрыла глаза. Сергей помнит, как поставить рабочий свет, кому передать заявку и где лежат запасные листы, а про какой-то прежний вечер способен сказать: не помню.

Она спрашивает, давно ли он здесь работает.

— Четвёртый год.

— И ни разу не перепутал?

Он смотрит на неё и смеётся коротко, без насмешки.

— Перепутал. Однажды приготовил музыку для другого номера. Меня остановили до начала песни. Теперь в списке рядом с названием стоит имя файла, а перед концертом про-

веряем вместе. Не история для гордости, но полезная.

Женя представляет Вику, которая стоит посреди сцены и ждёт не ту музыку. В воображении это сначала катастрофа, затем обычная Вика с термосом, которая, скорее всего, повернётся к пульту и скажет, что нужен другой трек.

— Она бы сказала, — произносит Женя вслух.

— Кто?

— Да никто. Я думаю.

Сергей не просит объяснить. Он достаёт два чистых листа и предлагает написать, что ей самой пригодилось бы знать перед первым дежурством. Не правила вообще, а вопросы, которые она тогда стеснялась задать.

Сначала получается: «Где стоять». Потом: «Кому сказать, если человека нет». Третьим Женя пишет: «Можно ли уйти». И сразу прижимает ладонь к строчке.

— Это не потому, что я хочу.

— Можно, если предупредишь. Иначе я буду искать тебя так же, как любого помощника. Договоримся с Ириной Валерьевной, кому передавать список.

Он говорит это так буднично, что Жене приходится перечитать собственный вопрос. Она ожидала, что её начнут уговаривать или спрашивать, зачем вообще вызвалась. Никто не уговаривает. Оказывается, у работы, из-за которой она впервые осталась в школе после урока добровольно, есть и конец.

Ирина Валерьевна заходит за программами, пока они дописывают. Смотрит на три строчки, просит добавить свой

кабинет и говорит, что в следующий раз сначала покажет это новому помощнику. Женя ждёт похвалы. Завуч уже проверяет дату в календаре.

— А я ещё буду? — спрашивает Женя прежде, чем успевает решить, стоит ли.

— Если хочешь. Не вместо уроков. У нас будет второй помощник, чтобы вы менялись.

На лестнице Женя встречает Орлова. Он идёт рядом с преподавательницей и несёт небольшой пакет; футляр в руках у взрослой. Женя собирается спросить про тот вечер, но вместо этого говорит:

— Привет.

Мальчик узнаёт её, кивает и останавливается, пропуская первоклассников. Они ничего не объясняют друг другу. Когда он проходит мимо, Женя неожиданно радуется, что её старое слово осталось только на листе, который лежит в закрытой подсобке. В общем списке теперь написано другое.

Подготовка номера включает и дорогу до места. Знакомство со сценой может уменьшить неопределённость: где стоять, кто даёт сигнал, куда убрать футляр. Оно не определяет первое впечатление навсегда и не обещает, что тревога исчезнет. Начинать можно с короткого осмотра вместе с педагогом.

Помощь за кулисами имеет собственную ценность. Ребёнок не обязан принимать её вместо выступления или ради права когда-нибудь сыграть. Ответственность за оборудова-

ние, порядок и безопасность остаётся у взрослых; задачи помощника должны быть понятны и посильны.

Сценические механизмы трогают только те, кто обучен и допущен к работе с ними. Ученик может знать, где ждать сигнал, не умея управлять занавесом. Уточнить обязанность полезнее, чем повторить движение за случайным человеком в темноте.

Когда зовут следующего исполнителя, важно, чтобы он услышал своё имя и понял, сколько времени осталось. Можно договориться о спокойном обращении и повторить, если не расслышали. Единственная неправильная громкость не способна заранее объяснить весь последующий номер.

Внешнее спокойствие не даёт точной меры внутреннего состояния. Сильное волнение может быть заметно, а может почти не проявляться. Поэтому вопрос «что тебе сейчас нужно?» обычно полезнее попытки определить по лицу, достаточно ли человек готов.

Знакомая обстановка становится одной из опор. Другой будут музыка, партнёры и возможность попросить помощь. Если осмотр кулисы не дал облегчения, это не неудачный опыт: он всё равно помог узнать условия, а работать с тревогой можно дальше.

Близкому взрослому не обязательно немедленно превращать помощь за кулисами в разговор о следующем сольном выходе. Можно заинтересоваться тем, что уже было: кто играл, что поручили, хватило ли помощи. Если ребёнок хочет

выступать, спросить, какой ближайший шаг кажется ему возможным. Если не хочет, сначала выслушать причину, а не выбирать её за него.

Отказ иногда связан со страхом оценки, но не всегда только с ним. Может мешать боль, отношения в классе, неподходящая программа или нежелание заниматься именно этим. Разговор не обязан закончиться уговором. Поддержка включает возможность изменить условия и обратиться за дополнительной помощью, когда трудность выходит за пределы обычного занятия.

Наблюдать за кулисами полезно ещё и потому, что оно возвращает происходящему обычные размеры. Занавесом управляет человек, следующий номер сверяют по листу, после песни ищут чистый стакан. Это не уменьшает значение музыки. Скорее, рядом с огромным словом «сцена» появляются действия, которые можно понять, спросить и разделить с другими.

Однако наблюдение не обязано стать скрытой лестницей к обязательному выступлению. Женя начинает замечать чужое волнение, а потом — говорить о своём. Между этими событиями есть время. Сравнение помогает, пока не превращается в новое требование: если Вика смогла, значит, ты должна сегодня же.

Попробовать на занятии

До концерта попросите показать освещённый путь к месту выступления и обратно. Уточните, где ждать сигнала и к кому обращаться за помощью. Число шагов можно использовать как приблизительный ориентир, но свободный проход и видимость ступеней важнее точного счёта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.